

Мирослав Кульчицкий

Об Баскервилев Собаке

Из книги «Лепые разглагольства»

При перечтении гистории об Баскервилев Собаке, которая, по слышанию, многим ис вас на вкус попала, братия и сестры, пришло мне на мысль рассмотреть, довольно ли имелось на то резонов той собаки убийство смертию учинить. По долговременном моем разсуждении нашол, аз многогрешный, что резонов тех недостает отнюдь, и многа лепше имело бы живот оной уберечь, есус-мария пресвятая богородица! Чего ради, последуя разумению исправному, явно вся вещающему, предприял, братия и сестры, сие изъяснить, и сообщить онаго убийства смертию пагубныя следствия, дабы предупредить подобныя случаи и вред чувствительный, от оных происходящий. И такожде предложить со стороны своя безпристрастныя и благоразумныя способы, кои надлежало бы в случаях оных употребить во вся обществу безсумненную ползу. Ибо к чему, како не к деяниям вся обществу во благо побуждает, склоняет и поощряет нас Всевышняя Десница, податель нам всяких благ, своя милостивейшим промыслом соизволяющая бысть и ати, и яти, и таму, которое промеж них?!

Иные многоразумныя те абие же возглаголят де резонов на учинение убийства преждепомянутаго имеетца немалое число, и что предузнаютца оныя несколка уже ис самага той гистории начала, и паче таго открываютца ис оной последующих перепетиев фабульных. И де резоны те есмь таковыя: не щеня в коше, и не собачка постелныя оная Баскервилев Собака была отнюдь, но чюдишче-юдишче – тварь клыкастыя, размеров неприродныя, и, во первыя, внутри болотов Гримьяньских отай обитая, вытием своя громогласныя жителства окрестныя в той стороне Аглицкой к безпокойствам возмушала изрядно. Во вторыя, вознамерение

имела она, по наущению таго Степльтона-ентимолога, Баскервилев вся род вятший дворянския истребить, дабы онаго Степльтона своекорыстие удовольствовано было. И аднаго ис тех, которыя онаго рода имелись, напужала аж до умре смертию, а другога не угрызла и не поела едва. Убо де то убийство смертию за наиблагоразумнейшее имеем почесть, а какия иные резоны то есмь пустое, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многогрешный, изрещу: воистину несть пределов скудоразумения, есус-мария пресвятая богородица! Аже и повозмушала к безпокойствам оная Баскервилев Собака каго ис тех обывателей Гримьянских в иную часа минуту, али аднаго-другога ис тех Баскервилев попужала хотя и до умре смертию, есмь то противу тои Баскервилев Собаки потеряния яко та собачка постелныя противу елѣфанта африканския! Ибо востократы боле стане вся обществу потеряние таго екзымпляра Баскервилев Собаки, сущем во вся свете числе единственном, неже противность малая, благодатишю простолюдинов невежествующих учиненная, купно с напужателством, хотя и до умре смертию, каго ис тех родов вятших дворянския, коих не перечесть в тои стороне Аглицкой. Когда об оном Баскервилев Собаки потеряннии помыслить по человечеству и безпристрастно, братия и сестры, то какая безпримерная жалость, есус-мария пресвятая богородица! Како скоро в то разсуждение войду, аз многогрешный, тотчас мне представляютца способы оной Собаки Баскервилев употребления вся человекам в чувствительную ползу: примером, каки сыскарную, али напужателную, в корпусах тех ландполицких; каки выжлеца, сиречь влкадавную, задля псовой лови; каки показателную, задля потешаний всянародных, в ряд протчих чудишч, каки тот Змий Лохняйский али Снегоход Гималайский, яко онаы изловлены будут; каки охранителную, дабы инога злодея устрашить и от жителства какога отвесть; каки зазывателной, дабы вытием своєю громогласныя, яко таму научена буде, глас подавала регулярныя какому заблудящему, буде то человек бродяжный, ладия в окияне потерянная, али тварь хуторская, коя стадо своя отстав, нужду в том гласе имеет, дабы в стойлы воротитца, и прочая, и прочая, и прочая... А наилепше то имело бы предать оную понятию проницателному мужьями ученымя, дабы вся свойства ея изьявлены были всеконечно, задля обза-

ведения оной потомством и воспоследующего выведения рода собашного особливаго. И впоследствии понятия онаго моче бысть и какия иныя употребления сей Баскервилев Собаки и потомства ея нашлись, опричь преждепомянутых – примером, дея извоза, ежели потомство то норовом выйде потише, а то и дея вскармливания на убой, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де, естли и помыслить по сим де-произвольным розглагольствам об сей Баскервилев Собаке и потомстве ея употреблении, имеютца на сии прожекты сумнения превеликия. Ибо известно ис гистории об ней, что являла оная собою суть чюдишче-юдишче зловредныя, и по сему же зловредию, ей присущему, учиняла оная всякия те непотребства, сиречь вытия своя мерския, напужателства аж до умре смертию, и паче таго, тщилася угрызть каго ни попада и ево поесть. И аще не бы таго Степльтона наущений, который в угождение корысти своя сугубо сии наущения учинял, каго ни попада же напужала бы оная аж до умре смертию, али угрызла бы и поела, есус-мария пресвятая богородица! И де есмь тому примером убийство каторжанина таго, дворецкаму Берьимору шурином приходящемуся, коего оная Баскервилев Собака погубила, егда тот по тех болотах Гримпьяньских бегал. И де убо употребление оной, хотя и во вся человекам ползу, с опасностями превеликими имело бы сопрящено бысть, ибо не знамо истенно, каки то оной зловредие в том али ином случае ся бы изьявило. Обаче, то де безсумненно есмь, что естли была оная Баскервилев Собака суть чюдишче-юдишче зловредныя, то и потомство, ею произведенное, таковыя же суть зловредныя было бы неизбежимо, и убо употребления онаго, аже бы и во вся человекам ползу, с опасностями онымя превеликими имели бы такожде сопрящены бысть. Ибо, како изрещено: «Смоковность от смоковницы не далече паде», и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многогрешный, изрещу: не по присущему естяству ея зловредию оная Баскервилев Собака те непотребства учиняла отнюдь, но по прививному, сиречь по в нея вкорененному, есус-мария пресвятая богородица! Сиречь было оное зловредие тем Степльтоном в сию Баскервилев Собаку вкоренено и оным взледеяно, по резонам известным: умышлял оный Степльтон к отнятию таго Баскервилев рода движимого и недвижимого

го имения, ибо оному роду вятшему дворянския почитал ся принадлежашим, и узрел оный в той Баскервилев Собаке средство в сим предприятии вспомощное. И дабы тех иных двоя из таго рода вятшего дворянския истребить, есус-мария пресвятая богородица, и имения сии укрепить за собою сугубо, потщился оный тую Баскервилев Собаку вскормить до размеров неприродныя, и те повадки зловредныя в оную вкоренить и в оной взлелеять яко наипаче, и в том преуспел весьма. И темь не есмь то безсумненно отнюдь, что не поддалася бы оная Баскервилев Собака претворению, али перенаущению на иной салтык, и что повадки ея зловредныя не возмогли бы те мужья ученыя инде испразднить, инде сохранить, а инде претворить в свойства полезныя дея употреблениа оной лепого. Особливо, ежели б сподобились оныя какую методу сочинить премудрую, к сему случаю изрядному приложимую яко наипаче: примером, поленом каким оную Баскервилев Собаку несильно съездить адин-другия раз, али учинять сие от случая ко случаю; али какой член оной прирастити, али противу таго – ис тех, которыя имеютца, какой отнять; али соединить оную с каким еляктрическим прибором поправителныя, дабы тот действием своимя нором оной поправил, али ища что, есус-мария пресвятая богородица! Равно же и род собашный особливый, от сей Баскервилев Собаки начинаемый, моче и возмогли бы те мужья ученыя вывести яко наилепше, сиречь вся, в ползу употребителное, схраня, а вся неупотребителное – скратя, али в какое иныя употребителное претворивши. И яко были б на то поставлены, такожде и на сей случай имели бы своя особливую методу сочинить, примером скрещение али сращение сей Баскервилев Собаки с теми чюдишчами-юдишчами иныя, каки тот Змий Лохняйский, али Снегоход Гималайский, яко изловлены оныя будут; али, моче бысть, с гадом али птахом каким написанным али ненаписанным; али осемянение оной неприродныя семянем каким особливия, и прочая, и прочая, и прочая... И естли б преуспели в том оныя мужья ученыя не с перваго случая, ано со вторыя, третия али с осьмыя, адно-другия потомства оной Баскервилев Собаки в ползу експярименту погубив, и то было б ничево, с оглядкою на те следствия полезныя и авантажи безсумненныя, кои ис онаго експяримента имели бы упователно произведены бысть. Убо всяко-

му таму, который разумением исправен есмь, околзримо весьма: не убийству смертию оной Собаки Баскервилев надлежало учиненным бысть, ано всеконечному сего екзымпляра понятию, хотя бы дея исчисления вероятия онаго екзымпляра употребления во вся человекам ползу, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де, аже и имелись на то какия резоны тои Баскервилев Собаки живот уберець, то, во первыя, не предузнавались оныя, докамест оная ся околзримо не явила. И убо природно то есмь весьма, что не был резон оных известен тот Лястреид, ис корпуса полицкаго, который палбою своя оружейныя убийство смертию оной учинил. Сиречь, имел тот Лястреид предприятие сие учинить по Наказу Полицкаму сугубо, и по Наказу оному же, сообразно с повадками полицкими, палбу в тую Баскервилев Собаку произвел, дабы оную обезовредить, и от живота аднаго ис тех Баскервилев опасности преевеликия отвесть. И де, во вторыя, употреблением такия способа единственно возмог бы оный Лястреид тую Баскервилев Собаку обезовредить, а естли б какия иныя способы употребити дерзнул, угрызла бы оная собака таго Баскервиля неизбежно, и ево поела, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многогрешный, изрещу: во первыя, предузнавались оныя резоны несколка уже ис самого тои гистории начала, ибо известно было ис Былины об Баскервилев Собаке, тем ученыя Мортямером читанной, что погубила оная аднаго из таго рода Баскервилев пращуров, и что являла оная собою чюдишче-юдишче ненаписанныя, размеров неслыханныя. И такожде след от лапы ея преевеликия, которыя оный Мортямер узсмотрел в месте том, игде первыя из тех Баскервилев умре смертию, не об чем ином, како об изрядности сего екзымпляра собашнаго сообщал. И естли б были об том уведомлены учреждения ученыя и полицкия, велико есмь то вероятие, что, авантажи онаго екзымпляра употребления уразумев, потщилися б оныя тую Баскервилев Собаку изловить, и предприятие сие учинить яко наипеше. Во вторыя, не то суть, колико сообразно Наказу тот Лястреид ис корпуса полицкаго сие убийство смертию оной Баскервилев Собаки учинил, ано то, колико лепо по месту и времени сие предприятие, хотя бы и по Наказу, оным учинено было, есус-мария пресвятая богородица! Ибо всяк тот, которыя разуме-

нием исправен есмь, известен, что Наказ тот полиция токмо порятки общия предустановляет, ано, толико то али инья предприятие полиция за лепыя почитаем, колико лепо по месту и времени, и каковыя способом, не в противность таму Наказу полиция отнюдь, оное предприятие учинено было. И яко помыслим об том безпристрастно и по человечеству, придем безсумненно в единомыслие, которое явно вещает, что противу иным решениям похвальным, предприятие оное по справедливости похвалы великия не достойно отнюдь. И не токмо препарацией худой во всяк благоразумном оное предприятие сумнительство возмущает, ано наипаче тои палбою не лепою, в заматне и противу разумению исправному учиненноу, есус-мария пресвятая богородица! В протчем, чему дивитца, естли в тои команде, на предприятие оное уделенной, из троя един токмо сыскарь полиция был, ано из иных двоя – первыя, Хольмс, хотя и семи пядей во лобе – сыскарь на хлебах волныя, сиречь не при чине, а вторыя, Ватсон, – и паче таго, не сыскарь отнюдь, ано кто есмь такыя – не уразумети: али подручник, али фельтонист, али доктор, али таго Хольмса живописец, али онаму суть сожителствующий! Известно, место дея назирания сыскали не лучшее отнюдь: лядину, сиречь ельник, удаленный весьма от тои стези, коей тот Баскервиль в имение своя следовать имел. И яко узрели онаго Баскервиля, собакою нагоняемого, едва возмogli оттоле к сей стезе поспети, докамест собака та ево не поела, есус-мария пресвятая богородица! И яко до оной стези досталися, в ту Баскервилей Собаку палбу оружейныя произвели не тако, како то повадкама полицкия предустановляетца отнюдь, сиречь в конечностии ея сугубо, ано беспорятку, аки камо ни попаде – вся сойде, токмо бы оная смертию пала. И едва токмо то учинили, по таму Степльтону устремились, и яко сыскали ево в тех болотах Гримпьянских, сызнава же палбу беспорятку учинили, есус-мария пресвятая богородица! И дондеже бегал от них оный Степльтон по тех болотах, яко заяц, палбу сию не кончали, ано кончили ея, токмо егда оный в болотах тех сгинул невозвратно, методу своя сей Баскервилев Собаки вскормления и наушения с собою унеся невозвратно же, есус-мария пресвятая богородица!

Иныя многоразумныя те возглаголят де приключилося сие по нужде сугубо. Ибо, естли не сыскати было тем троя ино-

га места дея назирания, опричь той лядины, сиречь ельника, хотя и удаленного весьма, како инако возмогли бы оныя троя назирание своя учинить сокрытно? Де, кабы не та лядина, сиречь ельник, приметила бы оных неизбежно та Баскервилев Собака, и паче таго, кабы не была та лядина, сиречь ельник, удаленным весьма, учуяла бы оная тех троя, и убоялася б за тем Баскервилем далече следовать, но ся воспящить и тудоль в болота Гримпьянския гоньзнути почла бы то за лучшее, и на том конец имел бы вся таму предприятию бысть, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многогрешный, изрещу: естли не было окрест тои стези никакия иныя лядины, сиречь ельника, на то природныя смекалки полицкия имели бы употреблены бысть, коих не достало отнюдь ани таму при чине, ани таму на хлебах волныя, ани, известно, таму, которыя не уразумети кто такія есмь. Примером, не единственно локации природныя, каки те лядины, сиречь ельники преждепомянутыя, дея назирания сокрытнаго есмь употребляемы отнюдь, ано и те, которыя есмь своеручно сотворенныя. И естли б были смекалками полицкия те троя обдарованы изрядно, употребили бы такія способы, како, примером, ся окопание; али надоумилися перенести ту лядину, сиречь ельник, выкореня древо за деревом, тудоль вблизи стези, и тама оный вкоренить, аки естли бы имело сие произрастение тама своя место природныя. Безсумненно, были б оныя способы в сим предприятии вспомощны весьма, ибо имели б те троя ища аднудругия часа минути дабы ся изготовить принадлежащим образом, и палбу ту оружейныя произвести не аки камо ни попаде – вся сойде, токмо бы оная Баскервилев Собака пала, ано в конечности ея сугубо, како то повадками полицкия в случаях таковыя предустановляетца, дабы стреножию оная поддалася. А естли б, паче чаяния, все ж учуяла тех троя оная Баскервилев Собака, и ся воспящить и на болота те Гримпьянския гоньзнути почла бы то за лучшее, на то надлежало бы предприятие вышерещенное учинить сызнова, и локации иныя сыскавши, таго Баскервиля сызнова же яко приманку употребить, опасности животу ево презрев, дабы оная Баскервилев Собака изловлена была, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де нечеловеколюбно то было бы весьма положить за потребное уберечь тои Баскервилев Собаки екзымпляр, хотя и во вся свете сущий в числе единственном, ценою непомерную живота таго Баскервиля. И не токмо ис положения вышерещеннаго, что есмь оный рода вятшего дворянския, ано паче ис таго разсуждения известнаго, что де коликой бы важностии сего екзымпляра сохранение ни было, вся адно живот оной Баскервилев Собаки противу живота Баскервилева вровень не встане отнюдь, ибо екзымпляр оный суть животное, а тот Баскервиль, ис каких бы не происходил, – вся адно суть человек, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многогрешный, изрещу: переличил ли кто тех мужей ученых, котория токмо долгу и поведке своя ученския в угождение, животы своя истаяли ради сыскания во всякия дебрях какой козявки неприметной? А сколка ища есмь числом тех, котория животы своя истаяли же, егда експаримент какой с тои козявкою провести потщилися, не уразумев пред тем, коликой вредностии козявка оная есмь? Однакожде, не всяк отнюдь ведает донинече об тех мужьях ученя, которых животы на тую учености плаху положены были, ано ведает не всяк едва ли, како оная козявка зоветца, какия свойства имеет, какия ползованиям подлежит, и какия остережениям надобно следовать, дабы было сие ползование не во вред человекам, ано во благо оным сугубо. Такжеде и Баскервиля таго, естли б случилось онаму в том предприятии живот своя отстать, надлежало бы почитать за жертву експаримента неизбежимую, сиречь аки за Агнца Жертвеннаго, на плаху учености положеннаго деля воспоследующей вся человекам ползы. И не токмо сим почитанием надлежало бы таму Баскервилю обдарованным бысть, ано и увещеваниями Всевышней Десницы об уделении онаму особливых привилегиев в Ирие, куда душа ево имела бы ся вознесть, есус-мария пресвятая богородица! И увещеваниям тем надлежало бы бысть таковыя: «Снизойди до сего Баскервиля, Агнца Жертвеннаго, Всевышняя Десница! Посли онаму от высоты престола Твоего привилегиев особливых в Ирие, куда душа ево ся вознесть возмогла! Да не оставлен буде оный тех привилегиев волею твоею всемогущею!». И увещеваниям тем не рещением надлежало бы учиненнымя бысть, ано выпеванием-конорханием, сиречь тако:

вья, ибо от рожена онаго сугубо всяко то бесовския умре смертию, есус-мария пресвятая богородица! Во вторья, ежели б имелась на то какия сумнения, надлежало бы, последуя разумению исправному, оную Баскервилев Собаку, равно же и потомство ея, не токмо мужьями ученымя понятию предать, ано и теми халдеями, которья в материях сих есмь многоразумны весьма, дабы потщилися оныя всякия те бесовския из нея, али из потомства ея, изогнать, естли б таковыя онымя изъявлены были. И егда б халдеи оныя упователно сие учинили, не имелось бы боле никакия препонов пред оной Баскервилев Собаки употреблением яко наилепше, сиречь во вся челоовекам чувствительную ползу, есус-мария пресвятая богородица!

Ис вся сего вышерещеннаго явствует, братия и сестры, что тои Баскервилев Собаки потеряние не в ползу вся обществу пошло отнюдь, ано противу таго, оному в убыток невосполнимыя, есус-мария пресвятая богородица! Изъяснения чего ради, предприял, аз многогрешный, уделить сему случаю своя разглагольство. Ибо ис всеконечнаго сего малого случая понятия открываютьца те общия порядки действ, коим сообразно в случаях подобныя поступлено бысть должно, дабы следствия, от оных случаев происходящие, не во вред были, ано во благо вся обществу сугубо, к чему побуждает, склоняет и поощряет нас Всевышняя Десница, подаватель нам всяких благ, своя милостивейшим промыслом соизволяющая бысть и ати, и яти, и таму, которое промеж них! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

